

И. С. УРЮПИН

**Новозаветный текст
в рассказе М. Горького «Дело с застешками»:
к вопросу о христианском гуманизме
в творчестве писателя***

Христианская духовно-архетипическая сущность горьковского гуманизма, именованного самим писателем то «крайним», то «пролетарским», не вызывала сомнения ни у современников, ни у потомков основоположника социалистического реализма, всячески декларировавшего свое материалистическое мировоззрение и атеистическую «веру». При всей сложности и неоднозначности отношений М. Горького к религии вопрос о нравственно-этическом Абсолюте и его образно-персоналистическом воплощении напрямую связывался писателем с Христом и Его учением. Однако, как точно заметил И. Н. Сухих, «горьковский Христос — “Бог бедных”», «он не имеет никакого отношения к официальной Церкви», «Бог создается людьми, придумывается, конструируется, чтобы заполнить пустоту сердца, помочь в сегодняшних тяготах, решить большие проблемы»¹. Активное, духовно-созидательное начало человека-творца, берущего на себя ответственность за преображение мира и совершенствование самой человеческой природы, Горький усвоил у Н. Ф. Федорова, об идеях которого писатель «был наслышан еще при жизни философа и даже однажды видел библиотекаря Румянцевского музея»². Федоровская «философия общего дела» легла в основу богостроительства как особого идейно-философского течения Русского религиозного Ренессанса, к которому в самом начале своего творческого пути тяготел Горький. Для богостроительства в отличие от богоискательства с его поиском

* Впервые: Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2015. Вып. 2 (16). С. 64–69.

¹ Сухих И. Н. Двадцать книг XX века. Эссе. СПб.: Паритет, 2004. С. 37.

² Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001. С. 250.

«как бы *готового* Бога» и попыткой «Его опознать (нечто пассивное)» было важно «именно *строительство* высшего идеала, призванного воплотиться в реальность»³, «стремление отыскать не столько Бога, сколько “божественный ответ” на противоречия бытия»⁴.

Такой «божественный ответ» на насущные проблемы человеческого существования в мире без Бога ищут герои-босяки ранних рассказов и повестей Горького. Не укорененные в духовно-культурной, материально-бытовой почве, «они никак не могут найти себе на земле места и прикрепиться к нему» (с. 244)⁵, скитаются «по Руси» в поисках «божественного слова», которого подчас не способны вместить в своем сердце. «Люблю я послушать книгу... священную ежели...» (с. 100) — говорил один из героев рассказа «Дело с застезками» (1895). — «Хорошо больно... Хоть оно непонятно... а все-таки слово этакое... на улице ты его не услышишь... Непонятно оно, а чувствуешь, что это слово для души» (с. 101). Так писатель, воссоздавая духовное состояние современника, жаждущего «божественного слова», но утратившего живую связь со Священным Преданием («В церкви мы, по неприличности и грязноте нашей, не ходим...» — сожалел Мишка, — «а душа, мол, у нас тоже... как следует... на своем месте...»; с. 101), откликнулся на чрезвычайно важную проблему «герметизации» христианского учения, которую впоследствии четко обозначил С. Л. Франк: «Мы смутно чуем, что в основе этого учения лежат какие-то древние, архаические представления, быть может, полные таинственной мудрости, нам непосредственно уже недоступной. С каким бы благоговением мы ни относились к этой непонятной нам мудрости, мы не в состоянии в этом традиционном христологическом и сотериологическом учении непосредственно усмотреть подлинную благую весть, то есть весть о реальном, спасительном для нашей жизни благе»⁶.

Стремление человека XX в. обнаружить незыблемые основы своего существования в атмосфере всеобщего релятивизма и духовного нигилизма, опереться на прочный фундамент христианской аксиологии, обрести «реальное, спасительное для нашей жизни благо» совершенно естественно рождало интерес к Священному Писанию и по сути — к новому его пониманию и открытию. В рассказе «Дело с застезками»

³ Там же. С. 253.

⁴ Венгеров А. И. Богоискательство, революция и социализм в России: взаимосвязь культурных практик // Вестник РГГУ. 2009. № 15: Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». С. 88.

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М.: Художественная лит-ра, 1977, — с указанием страниц в скобках.

⁶ Франк С. Л. Свет во тьме. М.: Факториал, 1998. С. 72.

Горький предельно точно передал томление / тоску современника по нравственному Абсолюту и невозможность его практического воплощения, роковую подмену духовного начала материальным и, как следствие, отпадение человека от Бога и подчинение его власти зверя. Мотив подмены истинного мнимым, внутреннего внешним, содержания формой, сущности видимостью лежит в основе сюжета рассказа о проявленном интересе артели босяков к Библии, которую читала нанявшая их на расчистку колодца и разлом старой бани пожилая барыня («Иногда она бросала в нашу сторону внимательный и строгий взгляд, книга на ее коленях шевелилась, и на солнце блестели ее массивные, очевидно, серебряные застёжки...»; с. 100).

Заметив любопытство артельщиков, барыня «начала перекидывать листы книги, ища в ней чего-то...» (с. 102), что могло бы пробудить непросветленные души, пребывающие в состоянии духовной дремы, к живому поиску Истины. И потому совершенно не случайно она открыла Послание к римлянам апостола Павла, чей жизненный опыт обращения к Богу через гонения первых христиан до самоотверженной проповеди Христова учения должен был направить бродяг-босяков на Путь к подлинной жизни. «“Павел, раб Иисуса Христа...” — раздался голос старушки. Он старчески дребезжал и прерывался, но был полон благочестия и суровой важности. <...> “Я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешаться с вами верою общею, вашею и моею”» (с. 102). Слова Священного Писания (Рим. 1:11–12), почти в точности воспроизведенные автором (за редкими грамматическими разночтениями типа «утешаться» / «утешиться»), являются смысловым, философским нервом рассказа, причем Горький сознательно, актуализируя чрезвычайно важный библейский фрагмент, оставляет его незавершенным в тексте, обрывает на полуслове / полужае, в продолжении которой, уже за пределами имплицитного художественного пространства, скрывается ключевая идея произведения. Так, в 13 стихе первой главы послания («Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже донныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и прочих народов» (Рим. 1:13)) содержится аллегорическая пропозиция всего горьковского рассказа об объективно-субъективных *препятствиях* к постижению Христова учения современным человечеством. Не случайно читающая соборное послание старушка, заметив, как Семка, «истинный язычник, громко зевнул», выражая свое равнодушие к услышанному, сделала акцент на словах апостола — «Ибо открывается гнев божий с неба на всякое нечестие и...» (с. 102), — но и здесь писатель оставил в эксплицитном контексте главную мысль новозаветного изречения, оказавшуюся

развернутой в целый сюжет рассказа: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1:18) (курсив наш. — И. У.).

Такой «неправдой человеков» становится «неправедный» интерес артельщиков к священной Книге («Толстенная такая...»; «Ежели Евангелъе — больно толсто будто...» (с. 100)), явившейся для них источником соблазна: но все дело было отнюдь не в непонимании босяками Божьего слова, а в *застезках*, на которые позарился один них, Семка. «Серебряные!..» — «торжествуя, показывал их нам» (с. 103). Потрясенный цинизмом своего товарища, Мишка, не утративший в своем босячестве чувство совести, за девяносто копеек выкупил серебряные застезки и отнес их барыне.

«— Погоди! — остановила его старуха. — Понял ты, что я вчера читала?..»

— Я-то? Где мне понять? Слышу — это так... да и то — как слышу? Разве у нас уши для слова божия? Нам оно непонятно...» (с. 105).

Стихийно-естественная нравственность Мишки, не потерпевшего подлости и вероломства Семки, была проявлением той «природной», «прирожденной» совести, о которой размышлял И. А. Ильин в книге «Путь духовного обновления» («Нельзя отрицать того, что совесть присуща человеку, так сказать, “от природы”»⁷), что при определенных условиях способна преобразиться в «христианскую совесть, озаренную и просвещенную Христом»⁸. «Девственное», еще не просвещенное Христовым светом сознание Мишки было подобно сознанию ребенка, «естественная” духовность»⁹ которого, по замечанию В. В. Зеньковского, напоминает «первозданного человека, не каким он был в раю, а каким был по изгнании его из рая»¹⁰, — свободным в своих действиях, но еще не осознающим всю меру ответственности за свою жизнь и свою свободу. Это очень хорошо почувствовала барыня:

«— Ну, вот... умница!.. Совсем ты дитя... а борода вон какая... до пояса почти... <...> А зачем ты пьешь? Ведь ты пьяница?

— Пьяница... пью. <...> По глупости пью. Глуп, ну и пью. Конечно, ежели бы человеку ум... да рази бы он сам себя портил? — уныло говорил Мишка.

— Верно рассудил. Ну вот, ты и копи ум... накопи да и поправься... ходи в церковь... слушай божие слово... в нем вся мудрость» (с. 105–106).

⁷ Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Апостол веры, 2006. С. 129.

⁸ Там же. С. 128.

⁹ Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 135.

¹⁰ Там же. С. 105.

Простив артельщиков, которые, по словам евангелиста Луки, «не ведают, что творят» (Лк 23, 34), «старушка божия» (с. 105) снова «достала откуда-то из-за себя Библию» и продолжила чтение апостольского послания: «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же!» (с. 106). Обращаясь к римлянам, апостол Павел (Рим 2: 1) предостерегал их от осуждения братьев, еще не просветившихся Христовым светом и пребывающих во тьме язычества, которым самим предстоит ответить на Божьем суде за свое неверие, ибо Господь «воздаст каждому по делам его» (Рим 2: 6). «...Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда божия?» (с. 106) — вопрошала старушка словами апостола Павла (Рим 2: 3), вольно или невольно намекая Мишке на возмездие, которое обязательно должны понести артельщики-святотатцы, не внявшие Божьему слову и посягнувшие на серебряные застежки Великой Книги. «По упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога» (Рим 2: 5) — это апостольское изречение еще не успела прочитать барыня Мишке, утомившемуся от Священного Писания и «плачевно» взмолившемуся: «отпустите меня для бога... Я вдругорядь лучше приду послушаю... а теперь больно мне есть хочется... так те вот и пучит живот-от...» (с. 106). Реакция отторжения Мишкой божественной мудрости, психологически точно воспроизведенная писателем, была проявлением того внутреннего состояния человека, вступающего на «Путь ко спасению», на котором, по замечанию епископа Феофана-Затворника Вышинского, его подстерегают соблазны и препятствия — «разженные стрелы, кои враг пускает из засад телесно-душевности» на еще не окрепшего в духовной брани неопита¹¹.

Таким поистине неопитом и является горьковский Мишка, пребывающий в плену «телесно-душевных» страстей, но пытающийся их преодолеть. Он принадлежит к тому «типу героя-“ребенка”», противостоящего «герою-“хищнику”», что четко обозначился в раннем творчестве писателя, который «решительно разводил в своих персонажах “звериное” и “детское” начала»¹². Однако «детское» начало, актуализированное в образе Мишки (интуитивная тяга к божественной справедливости, наивно-естественная, чистая вера в добро и правду) соединяется в нем со «звериным» началом — стихийными порывами,

¹¹ Феофан-Затворник Вышинский, епископ. Путь ко спасению (краткий очерк аскетике). Третья часть. Начертания христианского нравоучения. М., 1899. С. 269.

¹² Богачкина С. В. Типология персонажей рассказов М. Горького 1890-х гг.: к вопросу о своеобразии стиля художника // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2 ч. Ч. 1. С. 33.

бессознательной агрессией, зовом плоти, с которыми подчас не может совладать герой. В момент высокого эмоционального напряжения / вдохновения, переживаемого «божией старушкой» при чтении Библии, Мишка, так и не сумев сконцентрироваться на словах апостола, тряс головой и чесал левое плечо, оскорбляя тем самым просветительский порыв барыни, которая, осознав тщетность своей миссии, «сильно хлопнула книгой» и в отчаянии изрекла: «Нераскаянные души... Звериные сердца» (с. 106).

Нераскаянность, духовная ограниченность и душевная непроницаемость артельщиков-босяков, оказавшихся равнодушными к божественному слову, — все это характерные черты психологического портрета человека нового времени, нравственно *окаменевшего* и опустошенного. «Старушка печально потрясла головой и оглядела всех нас с укором.

— Погибшие... Камни вы...» (с. 103).

Камням уподоблял современников и Л. И. Шестов, заявлявший, что «огромное, подавляющее число людей — не люди, как это кажется, а обладающие сознанием камни. И это большинство, эти одаренные сознанием камни, которым все равно, но которые мыслят, говорят и действуют по законам их каменного сознания, они-то и создали то окружение, ту среду, в которой приходится жить всему человечеству <...>. Бороться с большинством очень трудно, почти невозможно, особенно ввиду того, что камни более приспособлены к условиям земного существования и всегда легче выживают»¹³. Не сумел противостоять этому «каменному» большинству нравственно ограниченных и агрессивных обывателей горьковский Мишка, его благородный духовный порыв — выкупить серебряные застезки и вернуть их барыне — поднял на смех «надутый, взъерошенный и угрюмый» Семка: «Умри ты лучше, пень милый! А то завтра тебя с такими твоими выкрутасами мухи али тараканы съедят...» (с. 107).

Жесткая, «хищная» хватка Семки, презирающего прекраснодушие и наивный религиозный идеализм всех не приспособленных к реальной, а значит — жестокой жизни товарищей, наподобие Мишки, была проявлением торжества апокалиптического зверя, воцарившегося в мире, где оказался забыт и поруган Новый Завет Христа.

¹³ Шестов Л. И. Афины и Иерусалим. СПб.: Азбука, 2001. С. 440–441.